

Гарриэт Лейн

Элис. Навсегда

«Ребекка» XXI века!

Гарриэт Лейн Элис. Навсегда

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7062657
Элис. Навсегда: [роман]: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-079506-2

Аннотация

Бывают дни, способные изменить всю жизнь. И именно в такой день Фрэнсис Торп случайно становится свидетельницей гибели жены известного писателя и миллионера Лоренса Кайта.

Она понимает: ей выпал шанс познакомиться с Лоренсом и занять место в его сердце, а значит – добиться влияния, успеха и положения в обществе.

Теперь Фрэнсис предстоит рискнуть всем и начать игру по собственным правилам...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Гарриэт Лейн Элис. Навсегда Роман

Посвящается Дж. С. К.

*Здесь жаворонок свил гнездо,
И фиалок бушует цвет.
Они хороши, но что-то не то
И в сердце радости нет.*

Кристина Россетти

Воскресенье, седьмой час вечера. Время я помню точно, потому что только что прослушала по радио выпуск новостей.

Мелкий дождь попеременно с мокрым снегом лепит в лобовое стекло. Я еду сельской низиной, следуя редким указателям, подсказывающим, как выбраться на шоссе А до Лондона. Фары моей машины пробивают пелену мороси, выхватывая серебристыми всполохами ворота, амбары, живые изгороди, витрины деревенских магазинов с надписями «Закррито» и невзрачные домики, которые словно еще теснее жмутся друг к другу, словно ищут спасения от пронизывающего холода наступающей зимней ночи. Других автомобилей почти не встречается. Все сидят по домам, смотрят телевизор, готовятся ужинать, а детишки заканчивают домашние задания к завтрашним занятиям в школе.

Покинув Имберли, я беру правее мимо белого дома приходского священника с турникетом вместо калитки. Дорога ненадолго оказывается открытой с обеих сторон там, где тянутся поля, но потом почти сразу углубляется в лес. Эту часть пути я особенно люблю летом, когда неожиданно, будто с вышки в прохладную воду, ныряешь под своды зеленого туннеля – тенистого и навевающего умиротворение. И тогда вспоминается Мильтон и его наяда, которая расчесывает волосы в полутьме озерных глубин. Но в это время года и в такое время суток здесь царит крошечная тьма, навевающая иные мысли. Мимо монотонной чередой лишь мелькают черные стволы деревьев.

На мокром асфальте покрышки слегка проскальзывают, я сбрасываю скорость и смотрю на панель приборов, где ярко-красные, зеленые и золотистые циферблаты сообщают, что у меня все в полном порядке. Но стоит снова поднять голову, как я вдруг вижу это – сначала всего лишь на секунду – в конусах движущихся перед моей машиной лучей фар.

Померещилось? Нет, там определенно что-то есть. Странное очертание среди деревьев. Нечто, тоже светящееся, впереди слева и чуть в стороне от дороги.

Я понимаю, что так не должно быть. Причем происходит это со мной инстинктивно, как неожиданно кожей ощущаешь, что за тобой издали наблюдает кто-то, кого ты сама не видишь. И внутренний импульс настолько силен, что я жму на тормоз, еще не успев даже почувствовать волнения или осознать, зачем я это делаю. Машина съезжает на грязную и неровную обочину, я ставлю ее так, чтобы фары светили в нужном направлении. Выбравшись из салона, я останавливаюсь, наклоняюсь внутрь и выключаю радио. Музыка замолкает. Теперь я слышу лишь шум ветра в кронах деревьев, изредка стук более крупных капель дождя по капоту машины и подобные звукам метронома щелчки сигнала аварийной остановки. Захлопнув дверцу, я быстро иду по сырой траве, углубляясь в лес тем путем, который указывает мне свет фар. Моя тень танцует впереди меня среди деревьев, с каждым шагом

делаюсь длиннее, шире и бесформеннее. Из рта вырываются белые облачка пара. В этот момент я вообще не думаю ни о чем. Мне даже не страшно.

Это машина. Большая темная машина, она опрокинулась на бок под странным углом, словно в стремлении зарыться в холодную землю, пробуравить ее. Странное очертание, замеченное мной с дороги, оказалось причудливым отсветом единственной уцелевшей фары на ветках и стволе соседнего дерева. В следующие несколько секунд, приближаясь к автомобилю, я замечаю крупные габариты дорогого лимузина, покрытые дождевыми каплями, но отполированные до блеска металлические поверхности, лобовое стекло, которое не выпало наружу, а покрылось такой густой сеткой трещин, что потеряло прозрачность. Думаю ли я в тот момент о человеке или людях, которые могут находиться внутри? Кажется, нет. Зрелище столь необычное и захватывающее, что не оставляет времени думать о чем-либо вообще.

А потом я слышу доносящийся из машины голос. Кто-то говорит очень тихо, словно беседуя сам с собой. Это напоминает бессвязное бормотание. Мне не разобрать ни слова, но я понимаю, что голос женский.

– Эй! С вами все в порядке? – спрашиваю я, обходя вокруг машины, перемещаясь из ослепительного света фары в черноту и стараясь отыскать женщину. – Вы целы?

Я склоняюсь, чтобы посмотреть сквозь окна, но внутри слишком темно, чтобы я могла хоть что-то разглядеть. Кроме ее голоса – а она то бормочет, то замолкает, то начинает опять говорить, никак не реагируя на мои вопросы, – мне слышно теперь потрескивание остывающего двигателя. На мгновение мной овладевают опасения, что автомобиль сейчас охватит пламя и он взорвется, как это показывают в кино, но запаха бензина не ощущается. Боже! И о чем я только думаю? Мне же надо немедленно вызвать «скорую помощь» и полицейских!

Охваченная паникой, я охлопываю карманы в поисках мобильного телефона, нахожу его и с силой нажимаю кнопки так неуклюже, что приходится набирать номер дважды. Ответ диспетчера воспринимаю с невероятным, почти физически ощутимым облегчением. Я называю ей свое имя, номер телефона, а потом, когда она начинает задавать мне положенные по протоколу вопросы, рассказываю все, что мне известно, стараясь делать это спокойно, как полезный свидетель в кризисной ситуации.

– Произошла авария. Один автомобиль. Похоже, вылетел с дороги и перевернулся. В салоне женщина, она в сознании. Там могут быть и другие, но точно я не знаю, потому что мне ничего не видно. Лес Уислборо на выезде из Имберли, примерно в полумиле за вывеской лесничества. По левую сторону от дороги. Вы сразу увидите на обочине мою машину. Это красный «фиат».

Она сообщает, что помощь уже в пути, и кладет трубку. Снова становится тихо, только поскрипывают стволы деревьев, ветер шелестит листвой, остывает мотор. Я присаживаюсь на корточки. Когда глаза немного привыкают к мраку, я вижу руку, прижатую к боковому стеклу, но свет так скуден, что я не различаю даже фактуры ткани рукава. А затем женщина начинает разговаривать со мной, словно очнувшись и осознав мое присутствие.

– Вы здесь? – спрашивает она.

Голос звучит теперь иначе: в нем слышится страх.

– Не бросайте меня одну. Эй, здесь кто-нибудь есть? Только не уходите.

Я поспешно встаю на колени и отвечаю:

– Да, я тут.

– Хорошо. Вы ведь не уйдете, не бросите меня?

– Нет. Я вас не оставлю. «Скорая помощь» сейчас приедет. Сохраняйте спокойствие.

И постарайтесь не двигаться.

– Спасибо, вы очень любезны, – отзывается она.

Это произносится тоном богатой и хорошо образованной дамы, статусу которой вполне соответствует ее «ауди», и услышав именно такую фразу, произнесенную именно в такой

манере, я понимаю, что эти слова ей приходится повторять десятки раз на дню, когда люди оказывают ей знаки внимания или выполняют ее просьбы, будь то в деревенском магазине или в лавке мясника.

– Я, кажется, создала себе небольшую проблему, – произносит она и даже пытается смеяться.

Рука делает легкое движение, будто ее проверяют, и замирает в том же положении.

– Муж на меня рассердится. Ему только в пятницу помыли машину.

– Уверена, он все поймет, – успокаиваю я. – Ему будет гораздо важнее, все ли с вами хорошо. Вы сильно пострадали?

– Даже не знаю. По-моему, нет. Впрочем, кажется, я ударила головой и еще что-то с ногами. Вот ведь досада! Вероятно, я ехала слишком быстро и попала на обледеневший участок дороги... А еще мне почудилось, будто я увидела лису. Впрочем, какая теперь разница.

Некоторое время мы молчим. У меня затекают ноги, а джинсы на коленях, упирающихся в мокрые и холодные листья папоротника, покрываются грязной ледяной коркой. Я немного меняю позу, размышляя, сколько времени потребуется «скорой», чтобы добраться сюда из Фулбери-Нортон. Десять минут? Двадцать? Судя по голосу, ранения женщины не слишком серьезны. Мне известно, что посторонним лучше не вмешиваться в дорожное происшествие, но, может, мне все же попробовать хоть как-то помочь ей? А если у нее переломы ног? И к тому же я даже не смогу открыть разделяющую нас дверцу, которую от удара смяло в гармошку и заклинило.

Я складываю ладони вместе и дую на них. Могу представить, как холодно сейчас женщине.

– Как вас зовут? – спрашивает она.

– Фрэнсис. А вас?

– Элис.

Может, мне только кажется, но ее голос звучит слабее. Потом она задает вопрос:

– Вы живете поблизости?

– Уже нет. Теперь я живу в Лондоне. А сюда приезжала навестить родителей. Их дом в двадцати минутах езды отсюда – рядом с Фринборо.

– Чудные здесь места. У нас тоже дом в Бидден-бруке. Он скоро начнет беспокоиться, куда я запропастилась. Я ведь обещала позвонить, как только доеду.

Не ясно, как на это реагировать, и внезапно меня пугает мысль, что она попросит позвонить мужу. Где же «скорая»? Где полиция? Почему, черт возьми, все тянется так долго?

– Вам холодно? – спрашиваю я, засовывая руки в карманы куртки. – Мне бы очень хотелось помочь вам устроиться поудобнее, но вам не следует сейчас двигаться.

– Верно, давайте просто подождем, – соглашается она с легкостью, словно мы стоим на автобусной остановке и ничего серьезного не произошло. Так, мелочи жизни.

– Уверена, они скоро приедут.

Женщина издает звук, который приводит меня в ужас. Это похоже на резкий хрипловатый вдох или негромкий всхлип. И она замолкает.

– Элис! Элис! – окликаю я, но она не отвечает, а лишь издает тот же звук вновь и вновь, и в нем я слышу какую-то безнадежность, понимая наконец, что на самом деле все обстоит очень и очень плохо.

Мне становится одиноко. Я чувствую полную беспомощность, оставшись в лесу под дождем и слыша этот повторяющийся то ли стон, то ли плач. Оглянувшись через плечо, я вижу свою машину со включенными фарами, а позади нее простирается густой мрак. И я продолжаю смотреть и смотреть туда, все еще разговаривая при этом, хотя мне уже давно никто не отвечает. Наконец появляются мерцающие огни – белые и синие. Я поворачиваюсь к Элис:

– Они уже здесь. Помощь близка. Все будет хорошо, Элис. Только держитесь. Они приехали.

Я сижу на пассажирском сиденье полицейского автомобиля и даю свидетельские показания женщине, которую мне представили как констебля Рен. Дождь усилился. Его струи заливают ветровое стекло, а по крыше машины капли стучат так громко, что Рен приходится просить меня повторить только что сказанное. Но все это время меня гораздо больше беспокоит происходящее там, где теперь установлен яркий свет, где работает мощная режущая машина, лебедка и подъемный кран. Стекло запотело, и я почти ничего не могу рассмотреть. Протерев его участком рукавом, я вижу, что между открытыми задними дверями микроавтобуса «скорой помощи» стоит санитар, поглядывает на часы и наливает себе что-то из термоса. Вероятно, кто-то из его коллег сейчас там, в лесу. Может, они просто подбросили монетку и этому парню повезло. «Какой смысл нам всем сразу рисковать подхватить воспаление легких?»

Рен закрывает свой блокнот и говорит:

– Что ж, наверное, это пока все. Спасибо за помощь. Вероятно, с вами скоро опять свяжутся, чтобы прояснить детали.

– Что будет с ней? – спрашиваю я, понимая, как глупо звучит вопрос, но ничего другого мне в голову не приходит.

– Мы приложим все усилия, чтобы ей помочь. Через несколько дней мои коллеги вас информируют. А сейчас можете ехать. Вы способны в таком состоянии добраться до Лондона? Мне кажется, разумнее было бы вернуться к родителям и провести ночь у них.

– Мне завтра на работу. Ничего, справлюсь, – отвечаю я и пытаюсь открыть дверь, но констебль Рен кладет руку мне на ладонь и слегка пожимает ее.

– Понимаю, как вам тяжело.

В ее голосе звучит искреннее сочувствие, и от этого неожиданного проявления доброты у меня все начинает расплываться перед глазами.

– Вы сделали больше, чем было в ваших силах. Не забывайте об этом.

– Но я ничего не сделала. Я и не могла ничего сделать. Остается только надеяться, что она поправится, – вздыхаю я, открываю дверь и выхожу из машины.

Дождь и ветер обрушиваются на меня с ошеломляющей силой железнодорожного состава. Лес, в котором недавно царила тишина, теперь наполнен шумом и грохотом. Это техника сражается с внезапно налетевшей зимней бурей. В ярком свете переносных прожекторов я вижу большую группу людей, чьи светоотражающие куртки блестят от влаги. Их спины полностью загораживают пострадавшую в аварии машину.

Я бегом возвращаюсь по шоссе к своему «фиату», сажусь за руль и во внезапно наступившей тишине слышу только собственное тяжелое дыхание. Затем я запускаю двигатель и отъезжаю от обочины. Лес остается далеко позади, и возникает ощущение, будто ты вырвалась из его плена. Смотреть, собственно, больше не на что: мелькают обозначающие разделительную полосу катафоты, указатели в виде стрелок и треугольников, начинаются столичные пригороды с погруженными в темноту торговыми и развлекательными центрами и многоуровневыми дорожными развязками.

Оказавшись в своей квартире, сбросив промокшую одежду и приняв горячий душ, я не знаю, чем себя занять. Уже поздно, почти одиннадцать часов, но я не устала и не голодна. Тем не менее я готовлю горячий сэндвич, наливаю чашку чаю, сдергиваю с постели одеяло и заворачиваюсь в него. Некоторое время сижу перед телевизором, хотя думаю непрерывно об Элис, о голосе из темноты и о муже этой женщины. Сейчас он наверняка обо всем уже знает. Вероятно, он теперь с нею рядом в больнице. Их жизни разыграли как партию в кости, и для них выпала новая опасная комбинация, и все из-за полосы льда на дороге и мимолетной

тени, похожей на лисицу. Именно эта мысль – о том, насколько случайно выпадают нам в жизни удачи и беды, – пугает меня, как ничто другое, тем вечером.

В кои-то веки мне приятно оказаться в редакции. Приехав необычно рано, я сижу за своим столом и потягиваю капучино, который купила в баре на углу. Стаканчики у них меньше, чем в «Старбаксе», но кофе крепче, а после ночи, проведенной в тревожном полусне, это как раз то, что мне нужно. Проверяю электронную почту. За выходные несколько авторов прислали материалы, но далеко не все, кто обещал это сделать.

Вам может показаться, будто работа в литературном отделе еженедельника «Обозреватель» – сплошное удовольствие, где все делается как бы само собой. Уверяю вас – это не так. Да, для нас пишут и маститые профессора, и юные гении беллетристики, но каждую неделю мне приходится спасать одно из этих светил от позорных стилистических, грамматических и синтаксических ошибок, какие они лепят в своих статьях. Я всего лишь младший редактор, то есть никому не видимая пчелка-труженица, которая вчитывается в каждую букву и устраняет «ляпы», способные изрядно подпортить кое-кому репутацию. Если же я пропускаю ошибку, меня ждет неприятный разговор с Мэри Пим – заведующей нашим отделом. Что касается самой Мэри, то ее таланты проявляются в полной мере, когда она умащает по телефону очередную знаменитость из числа своих знакомых или ведет популярного писателя ужинать в «Дж. Шики»¹ в качестве компенсации за не слишком благожелательную рецензию в нашей газете на его новый опус.

Как мы все знаем, наступит день, когда щедрый бюджет, отпущенный Мэри на расходы по работе (куда входят ежедневные поездки на такси, путешествия только первым классом и номера в пятизвездочных отелях на время многочисленных литературных фестивалей), будет так же безжалостно урезан, как это было с бюджетами других глав отделов. А пока, несмотря ни на что, Мэри мчит вперед на всех парусах. Странно, но звездные авторы продолжают писать статьи по ее просьбе, хотя наш тираж заметно упал и всеми владеет чувство, будто настоящая литературная жизнь давно переместилась с печатных страниц во Всемирную паутину.

Мэри пока не появилась на рабочем месте, но я уже встретила Тома из отдела путешествий и туризма, обменявшись с ним приветствиями. Понедельник всегда самый спокойный день в редакционной жизни. Расположенный в западном крыле здания отдел новостей вообще будет пустовать до вечера вторника. А когда у меня уже фактически наступают выходные, если в четверг после обеда я успеваю отправить в типографию сверстанные полосы литературного обозрения, в «новостях» только начинают проявляться признаки оживления, которое постепенно набирает темп и заканчивается бешеной гонкой в предрабочие часы воскресенья. Пару раз я как-то согласилась поработать в субботу в отделе новостей и быстро поняла, что это не для меня. Все в поту и на нервах, слышится отборная брань, сообщения то ставятся в номер, то их вдруг снимают в последний момент по звонку одного из министров, которому необходимо, чтобы новость из его ведомства заняла центральное место в газете. Для меня эти тараканы бега теперь ассоциируются с запахом вкусных чипсов, тоннами поедаемых из пластиковых коробок. Этот «аромат» настолько пропитывает систему кондиционирования воздуха, что ощущается по всей редакции даже по понедельникам.

В редакцию врывается Мэри – плащ в одной руке, огромная сумка в другой. Сумка открыта, и оттуда выглядывает гигантский бирюзового цвета ежедневник, которому хозяйка доверяет все свои секреты. Разумеется, она одновременно разговаривает по мобильному

---

¹ Известный лондонский рыбный ресторан. – *Здесь и далее примеч. пер.*

телефону, беззастенчивой лестью и посулами потакая непомерно раздутому самомнению собеседника.

– Естественно! Я отправлю тебе рукопись курьером немедленно, – говорит Мэри. – Или предпочтешь получить ее экспресс-почтой?

Она держит телефон у уха, склонив голову к плечу, бросает ежедневник на мой стол и начинает делать в нем записи бесценной авторучкой с золотым пером.

– Абсолютно точно! – Мэри кивает, продолжая делать заметки. – Ты даже не представляешь, как осчастливил нас, согласившись написать рецензию. Говорят, что он окончательно слетел с катушек. Впрочем, уверена, ты все расставишь по своим местам для наших читателей.

Она завершает разговор и переходит за свой стол, не удостоив меня вниманием.

– Амброз Притчет взялся критически оценить нового Пола Крю, – бормочет Мэри через минуту, не поднимая взгляда от монитора компьютера, пока тот загружается. – Должен прислать материал в следующий четверг. Не могла бы ты доставить ему рукопись в аэропорт? Он улетает без четверти одиннадцать. Он хотел бы начать читать еще в самолете.

Я бросаю взгляд на часы. Десять утра. Я не знаю, где лежит присланный на рецензию экземпляр, а Мэри лучше об этом не спрашивать. От подобных вопросов она буквально на стенку лезет («Что ты себе позволяешь, милочка? Или я здесь теперь какая-то библиотекарьша занюханная?»). И я звоню в экспедиторскую, заказываю срочную доставку курьером на мотоцикле, после чего начинаю поиск на полках, где мы держим присланную нам литературу. Сама я стараюсь выстраивать там книги по жанрам или по алфавиту, но заставить делать то же самое Мэри или ее заместителя Оливера Калпеппера (ему двадцать три года, и его наглость соответствует обширности связей его семьи в самых высоких сферах) дело безнадежное, что обрекает на провал любые попытки систематизации. Впрочем, я скоро нахожу необходимое между романом Хелен Симпсон и графоманской исповедью какого-то старого кокаиниста, с которым Мэри познакомилась прошлым летом на книжной ярмарке в Хаймаркете. Пока я успеваю написать на конверте фамилию и номер рейса, а потом спуститься и вручить пакет курьеру, на часах уже четверть одиннадцатого. Я стою в вестибюле перед лифтами, разглядывая свое отражение в дверях из полированной нержавеющей стали, когда подает сигнал мой мобильник. Определившийся номер мне не знаком.

– Это Фрэнсис Торп?

– Да, я вас слушаю.

Почему-то сразу становится ясно, что звонят из полиции. И все ощущения прошлой ночи мгновенно оживают в памяти: мрак, дождь, чувство беспомощности. Во рту у меня пересохло. В стали дверей лифта я вижу затравленную нервную девицу с тенями под глазами. Какое-то бледное ничтожество.

– Беспокоит сержант О’Дрискол из полицейского участка на Брюстер-стрит. Ваши координаты мне передали коллеги из Фулбери-Нортон. Это касается дорожно-транспортного происшествия, случившего вчера вечером.

– Вот как? – отзываюсь я.

Двери лифта открываются. Дорожно-транспортное происшествие! Почему они используют такую странную формулировку? Какое еще происшествие может произойти на дороге?

– А я как раз вспоминала о ней. Я имею в виду Элис. Как она там?

– Мы хотели просить вас приехать в участок, чтобы вместе перечитать ваши показания, – говорит он. – Нужно убедиться, что вы полностью согласны с их записью в протоколе. Может, вам вспомнилось что-нибудь еще?

– Да, конечно, я могу приехать. Хотя мне нечего добавить к сказанному ранее. Я сообщила обо всем, что видела и слышала. Но если вам это поможет... А как дела у Элис?

Возникает пауза.

– Сожалею, что приходится сообщать вам об этом, мисс Торп, но она сильно пострадала при аварии. Умерла на месте происшествия.

– Боже! – восклицаю я. – Как это ужасно!

Лифт доставляет меня на пятый этаж, я подхожу к своему столу и записываю адрес на листке самоклеющейся бумаги.

Когда наступает обеденный перерыв, я выхожу из офиса, обернув свой красно-пурпурный шарф вокруг горла и прикрыв им от ледящего холода нижнюю часть лица. Намеренно обходя стороной станцию подземки, окруженную многочисленными магазинами, я минуя старый газгольдер, потом новое здание библиотеки и пересекаю квартал построенных террасами георгианских домов, после чего по мостику перебираюсь на другой берег канала, водная поверхность которого навеки покрыта густым слоем мусора. Я прохожу мимо кафе или дешевых ресторанчиков с заиндевевшими витринами, и когда кто-нибудь входит туда или выходит оттуда, до меня доносится шум кофеварок, стук ножей и вилок по тарелкам, но стоит дверям закрыться, как звуки затихают.

Чем дальше я удаляюсь от больших улиц, тем меньше мне попадается встречных прохожих. Наступил бесцветный до белесости зимний день: деревья голы, трава на муниципальных лужайках пожухла, и среди проплешин прогуливаются голодные голуби. Облака редуют настолько, что даже показывается некая видимость солнца – призрачно-бледный диск, низко висящий над крышами многоквартирных домов.

В приемной участка на Брюстер-стрит нет ни одного окна, через которое внутрь проник бы естественный свет, как нет никого и за стойкой дежурного. Я жду, а затем решительно подхожу к ближайшей двери и стучу. На стук выходит недружелюбная женщина и заявляет, что сержант О’Дрискол на обеде, но скоро вернется.

Раздраженная, я сажусь на дешевый пластмассовый стул и при свете гудящей и поминутно мигающей люминесцентной лампы под потолком принимаюсь листать липкие страницы старого номера какого-то журнала.

Вскоре я слышу, как внутри открываются и закрываются двери, раздается жужжание электрического замка, и ко мне выходит О’Дрискол. Он все еще облизывает пальцы и дожевывает остатки ленча. Как и констебль Рен, с которой я познакомилась прошлым вечером, он очень молод – на вид ему лет двадцать пять. То есть О’Дрискол моложе меня, густоволосый, с бледноватым лицом и красными пятнами на шее. Он приглашает меня в один из пустующих кабинетов и через стол протягивает несколько листков. Это записи, сделанные вчера Рен, но отпечатанные на компьютере, проверенные программой исправления ошибок правописания и переданные из одного города в другой. Я внимательно читаю текст, пока О’Дрискол ковыряется в зубах колпачком от шариковой ручки, и хотя, конечно же, Рен было не под силу передать в точности все обороты моей речи или тем более интонации, факты в документе изложены верно.

– К этому мне добавить нечего, – говорю я и кладу ладонь поверх протокола.

– Дело вообще представляется несложным. – О’Дрискол протягивает мне ручку, от которой слегка пахнет фалафелем². – Пожалуйста, поставьте здесь свою подпись. Это, конечно, предварительные выводы, но все, что мы обнаружили на месте аварии, подтверждает ее слова в вашем изложении. Женщина попыталась избежать столкновения с чем-то на дороге, и в тот момент колеса, к несчастью, попали на обледеневший участок, что и привело к плачевным последствиям. Ну и, конечно, она могла превысить допустимую скорость...

Он ждет, когда я подпишу бумагу.

---

² Блюдо арабской кухни.

– Разумеется, будет проведено официальное расследование, но это пустая формальность и едва ли вас вызовут, – заканчивает О’Дрискол, перетягивает листы протокола на свою сторону стола, небрежно скрепляет, вкладывает в папку и встает.

– Что ж, спасибо за помощь. Непременно свяжитесь с нами, если вдруг припомните что-нибудь еще. – Он отступает в сторону, открывая передо мной дверь. – Ах да, чуть не забыл упомянуть об этом, – вдруг говорит он, когда я уже успела обмотаться шарфом. – Есть вероятность, что с вами захотят встретиться члены семьи покойной. Это было бы полезно, чтобы, так сказать, закрыть вопрос.

По его интонации я понимаю, что последние слова он хотел бы жестом пальцев заключить в ироничные кавычки, но отказался от этой идеи как не слишком тактичной в данных обстоятельствах.

– Для них это как бы часть траурной церемонии. В конце концов, насколько всем теперь известно, вы были последней, кто... разговаривал с ней. Надеюсь, вам это не составит труда?

– Нет, не... составит... Думаю, что проблем не возникнет, – отвечаю я.

– Вот и отлично. Если семья пожелает связаться с вами, они сделают это через нашего ОСВ.

– Через кого?

– Простите, такое сокращение мы между собой используем для офицера по семейным вопросам. Но вовсе не обязательно, что в этом возникнет необходимость. Как говорится, поживем – увидим. – Он вкладывает шариковую ручку в карман пиджака. – Вероятно, для вас в этом деле уже поставлена точка.

Неожиданно я застываю в дверном проеме.

– Кем она была? – спрашиваю, осознав, что ничего не знаю о человеке, который прозвонил последние в своей жизни слова. И слышала их я одна. – Не могли бы вы хоть что-нибудь рассказать мне о ней?

О’Дрискол тихо вздыхает, вспомнив, наверное, о чашке кофе, остывающей на рабочем столе, но снова открывает папку с досье.

– Ее звали Элис Кайт, – произносит он, проводя пальцем по строчкам на листе бумаги. – Ей шел уже шестой десяток. Дом в Лондоне и загородная усадьба неподалеку от Бидденбука. Замужем. Двое взрослых детей.

Он пожимает мне руку, прощается, и через минуту я оказываюсь на холоде, возвращаясь тем же путем к себе в редакцию.

Я иду и будто опять мысленно слышу, как она говорит: «Спасибо, вы очень любезны». Насколько же легко прозвучала тогда эта фраза в ее устах, но только теперь до меня дошло, каких усилий она ей должна была стоить. Странно, что я по-прежнему почти ничего не знаю о ней, у меня остались лишь ассоциации, связанные с определенными обертонами голоса, с речевым оборотом, который использовала Элис, с маркой автомобиля.

Похоже, для меня в данном деле поставлена жирная точка, как предположил О’Дрискол.

– О нет! Бедняжка! Как такое могло с тобой произойти? – причитает Эстер.

Она первая, кому я обо всем рассказала. На работе мне довериться некому, и не хотелось звонить никому больше, чтобы просто вскользь упомянуть о происшествии в разговоре. Но сейчас, когда мне наконец удалось облечь события в словесную форму, я чувствую облегчение, и напряжение внутри меня спадает.

– Значит, ты возвращалась от родителей и вдруг увидела разбитую машину?

– Да.

– Господи Иисусе! – восклицает она. – И что же, это было жуткое зрелище? Ты все разглядела? Она сильно поранилась?

Я догадываюсь, что Эстер интересуется на самом деле. Была ли женщина в крови? Кричала ли от боли? И Эстер не в силах сдержать разочарование, когда я описываю ей сцену в подробностях и особенно – мой разговор с Элис, который при иных обстоятельствах мог бы показаться даже несколько комичным.

– Ну а сама-то ты как? – тихо спрашивает она, словно приглашая к полной откровенности.

– Неплохо, – отвечаю я, меняя позу и переключая трубку телефона к другому уху.

Сомневаюсь, что мне следует рассказывать ей, как часто за последние несколько дней я вдруг видела себя стоящей на коленях посреди мокрых зарослей папоротника, выискивая взглядом огни машин «скорой помощи» и полиции на горизонте, желая, чтобы они показались как можно скорее. Причем эти воспоминания ощущаются так же пугающе остро, как все происходило в реальности, вызывают те же чувства ужаса и собственной беспомощности. У меня даже возникает подозрение, будто день ото дня моя память воспроизводит пережитое более и более отчетливо, чего я не ожидала.

А ее плач... Эти звуки тоже возвращаются в неподходящие моменты, когда мне полагается отвлечься от всего и мой мозг становится особенно уязвимым. Такое случается поздно вечером, стоит мне, удобно свернувшись под теплым одеялом, начать постепенно засыпать. Или же, наоборот, ранним утром, задолго до появления первых серых проблесков рассвета. Я внезапно вздрагиваю и просыпаюсь, а потом долго силюсь понять, действительно ли мне слышен плач Элис или же просто какой-то зверек повизгивает в одном из соседских дворов...

– Оставь это в покое, милая! Я кому сказала, положи на место! – слышу я голос Эстер, а потом наступает пауза, прежде чем она говорит в трубку: – Прости, мне нужно пойти и приготовить для детишек ванну. Как поживают папа и мама?

– Ты же знаешь, – отвечаю. – Моложе не делаются.

Мы дружно смеемся, ощутив более прочную почву под ногами, и она приглашает меня на обед в субботу. Мне понятно, что в тот же вечер последует просьба посидеть с детьми, если у меня нет других планов. Но, честно говоря, несколько часов игр, а затем карри из продуктового «Маркса и Спенсера» под невероятный выбор каналов спутникового телевидения, установленного у них дома Чарли, сейчас выглядят привлекательной перспективой. Субботний вечер можно провести гораздо хуже. Мне ли не знать об этом?

Закончив разговор, я ставлю на плиту кастрюльку с водой и нарезаю помидоры для соуса, пока лук и чеснок отмокают. Включено радио, я отхлебываю вино из бокала, моя квартира выглядит сейчас такой уютной, где все на своих местах, люстра над кухонным столом мягко подсвечивает нарциссы в синем глиняном кувшине. В кухне тепло, и цветы уже пробивают себе путь сквозь сковывающие их бутоны, похожие на тонкую бумагу.

Неплохо, думаю я. Все идет своим чередом, верно?

Внезапно мое внимание привлекает легкое движение за окном. Я бросаю свое занятие, склоняюсь через раковину, чтобы выглянуть наружу, и вижу в треугольниках света, которые отбрасывают на тротуар уличные фонари, что начался снегопад – медленный, но густой.

Снег идет и идет. День за днем. И кажется, будто, кроме снегопада, в мире вообще не происходит ничего. Лондон, как всегда, застигнут стихией врасплох. Автобусы застыли, брошенные на улицах. Занятия в школах отменены. Не хватает соли против гололеда. И когда я просыпаюсь утром, моя первая мысль не об Элис. Я надеюсь, что снег все еще валит, продолжает творить волшебство, нарушающее обыденное течение жизни.

У меня выходной, и я иду пешком через соседний парк, а кругом бушует почти настоящая метель. Все знакомые ориентиры – аллеи, пруды, игровые площадки, дорожка для бега трусцой – тонут под плотными сугробами. Под свинцовым небом Парламентский холм

кажется покрытым ледяной глазурью. Едва различая друг друга, люди скатываются по нему на всем, что может заменить санки: на крышках мусорных баков, пластиковых сумках из супермаркетов, подносах, «одолженных» в кафетерии, расположенном рядом с верандой для оркестра. Их крики и возгласы замолкают, когда я вхожу в глубь рощи, где ветви деревьев гнутся под непривычной белой тяжестью. Еще немного, и мне слышно лишь поскрипывание снега под ногами и собственное дыхание.

Так я добираюсь до Хэмпстеда, где снежинки падают на землю уже не так густо и отвесно, а плавно опускаются кругами, нарядные и красивые. Я медленно поднимаюсь на холм Крайстчерч и иду по Флэск-уолк, всматриваясь в окна, которые здесь всегда чище и прозрачнее, чем в моем районе. Мне видны глиняные кашпо с клементинами, книжки, брошенные раскрытыми на зеленом бархате диванов, а в одном из эркеров торчит морда серого в яблоках коня-качалки. Пестрая кошка сидит на подоконнике рядом с цветочной вазой; ее холодные желтые глаза провожают меня, но без интереса. Пройдя чуть дальше, я заглядываю в окно полуподвальной кухни, но человек, стоящий у плиты, сразу замечает меня и изменяет угол панелей жалюзи, чтобы мне ничего не было видно.

На одной из центральных улиц я захожу в дорогое кафе, занимаю свободный столик у окна и заказываю чашку горячего шоколада с миндальным печеньем. За соседним столом расположился пожилой дядечка в ярком шейном платке, который читает газету, заполненную сообщениями, связанными с погодой: отмена авиарейсов, катание на коньках в Фенсе, жалобы валлийских фермеров на убытки. Снаружи мимо окна мелькают незнакомые между собой люди, скользят на тротуаре и со смехом поддерживают друг друга, чтобы не упасть. Царит странная атмосфера праздника, когда общепринятые правила поведения перестают действовать.

Я пью шоколад, а затем достаю книгу и начинаю читать, стараясь отрешиться от всего, хотя мне и доставляет удовольствие ощущение, будто я одновременно являюсь и участницей событий, и их отстраненным наблюдателем. Мне нравится читать в кафе. Дома, в тишине, это почему-то труднее.

– Здесь не занято? – спрашивает кто-то.

Я с неохотой отрываю взгляд от страницы. Передо мной молодая женщина с маленьким ребенком в лыжном комбинезоне. От холода у малыша покраснели щечки.

– Мне как раз пора уходить, – отвечаю я, допиваю густой, как сироп, шоколад на дне чашки и освобождаю столик для нее.

Я оказываюсь рядом с домом, когда звонит сотовый телефон. Некто представляется сержантом полиции Кейт Уиггинс. Она говорит, что ей поручили заниматься семьей Элис Кайт, чтобы помочь «в столь трудное для ее близких время». Я слушаю ее, и мучительные ощущения возвращаются: укол страха, осознание собственной бесполезности – то есть те чувства, которые в последние несколько дней начали наконец чуть притупляться. Я заранее знаю, что она мне скажет.

– Не думаю, что смогу, – быстро отвечаю я.

Но стоит мне произнести эти слова, как меня охватывает ощущение, что мой отказ звучит поспешно и легкомысленно.

Кейт Уиггинс выдерживает паузу.

– Знаю, для вас это очень тяжело, – произносит она. – Вы пережили душевную травму. Но опыт подсказывает, что для свидетеля встреча с семьей часто становится своего рода катарсисом и приносит долгожданное облегчение.

– Мне бы этого не хотелось. Я рассказала полиции о том, что случилось. И даже не представляю, в чем смысл подобной встречи. Она лишь всколыхнет болезненные воспоминания.

– Разумеется, в подобных случаях не существует какой-то единой модели поведения, но, поверьте, очень часто семьи не пытаются задавать свидетелям вопросы, чтобы получить дополнительную информацию. Им просто необходимо встретиться с человеком, который там присутствовал. И чаще всего – выразить благодарность. Мне, например, известно, что родственники миссис Кайт – супруг, сын и дочь – с облегчением восприняли сообщение полиции, что в последние минуты жизни она находилась не одна. У меня сложилось впечатление, что они тоже испытывают к вам благодарность и хотели бы встретиться, чтобы лично высказать ее.

– Но у меня сейчас очень много дел, – говорю я, отчаянно стремясь как можно скорее закончить беседу. – И в данный момент я не готова к этому.

– Разумеется! Вас никто не торопит, – моментально подхватывает Кейт Уиггинс, поймав меня на неосторожно брошенном слове. – Никакой спешки. Лишь дайте мне знать, когда будете готовы.

– Хорошо, непременно, – соглашаюсь я и делаю вид, будто записываю номер ее телефона.

А потом возвращаюсь домой и стараюсь выбросить этот разговор из головы.

Оливер разбирает почту, разрывая посылки из гофрированного картона, в которых обнаруживается какое-нибудь новейшее руководство для начинающих игроков в гольф или книги с розовыми обложками и с советами, как выбрать туфли с подходящим размером каблука или испечь кекс. Почти все сразу переключивается в огромный ящик для передачи в благотворительную организацию «Оксфэм» или для продажи через систему «Ибэй» – на что, впрочем, у Оливера никогда нет времени. Среди книг, присылаемых в отдел литературы, давно наметилась идиотская тенденция: мы в огромных количествах получаем мемуары никому не известных людей, фотоальбомы со снимками в стиле ретро и лекции по организации здорового образа жизни, которые никак не вписываются в формат такого издания, как «Обозреватель». В лучшем случае одна книга из десяти присланных откладывается в сторону как достойная хотя бы рассмотрения для передачи на рецензию.

Я всегда стараюсь не иметь с Оливером, сыном одного из корифеев английского театра, возведенного в рыцарское достоинство, ничего общего и не вступать с ним в разговоры, но его голос, такой же сочный и громкий, как у отца, иногда делает мою миссию затруднительной.

Вот и теперь я не могу не слышать, как он обращается к Мэри:

– О, вот это, кажется, действительно нечто интересное! – Оливер передает ей книгу в переплете. – По-моему, на это произведение нам следует отозваться чем-то внушительным, как считаешь?

Мэри опускает очки для чтения на кончик носа и изучает обложку.

– Да, безусловно! Обратись к нему с просьбой об интервью, если он, конечно, вообще их дает. Странно, что они не отложили публикацию. Вероятно, было уже слишком поздно.

Оливер роется в коробке, находит там буклет с информацией для прессы и садится к телефону. Я слышу, как он флиртует с кем-то из отдела по связям с общественностью издательства. Прелюдией служит обмен сплетнями по поводу гостей на презентации какой-то книги, где они оба побывали в начале недели, а потом произносит:

– Кстати, у вас выходит новая книга Лоренса Кайта... Нам бы очень хотелось опубликовать с ним пространное интервью.

Он слушает ответ, склонив голову и комично изображая на лице глубокую печаль: хмурит брови, оттопыривает нижнюю губу. Представление предназначено для Мэри, но та не отрывает взгляда от материала на своем дисплее, и его усилия пропадают втуне.